
ТЕОРИЯ

В. Ф. ШАПОВАЛОВ

КОММУНИКАЦИЯ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО МИРА

Бурное развитие средств массовой коммуникации, несомненно, оказывает все возрастающее воздействие на социальные процессы во всем мире. Однако характер этого воздействия вызывает противоречивые и подчас противоположные оценки. С одной стороны, изобретение электронных СМК воспринимается как решительный прорыв к построению целостного, прозрачного и разумного мира. Благодаря усовершенствованию СМК, преодолевающих пространственные, временные и культурные барьеры, люди становятся ближе друг другу, им легче прийти к взаимопониманию. С другой стороны, существует и критический подход. В центре его внимания находятся негативные последствия СМК: дереализация (виртуализация) реальности, манипуляция сознанием, разрушающее воздействие на человека, который превращается в частичного, разорванного субъекта. Превращаясь в «интерактивного» субъекта, человек становится простым ретранслятором сообщений, что означает утрату личности, утрату собственного «Я».

Именно та огромная и в то же время противоречивая роль, которую играет массовая коммуникация в современном мире, стала важнейшим фактором актуальности проблем коммуникации как в теоретическом, так и в практическом плане. Возникновение информационного общества, тесно связанного с массовой коммуникацией, способствовало, в частности, возникновению особой отрасли знания – коммуникативистики: «именно переход к созданию информационного общества приводит к манифестации коммуникативистики как особой отрасли научного знания»¹.

¹ Башаратьян, М. К. Коммуникативистика. – М., 2002. – С. 7.

Другим существенным фактором осознания важности и остроты проблемы коммуникации следует считать *радикальный плюрализм* современного мира. Радикальность современного плюрализма – не только в росте разнообразия и множественности самих по себе. Главное состоит в том, что разнородное настолько сблизилось, что везде сталкивается друг с другом. Иначе говоря, разнородные по своей природе элементы очень часто находятся в непосредственной физической близости друг с другом, в пределах одной и той же точки пространства и времени. Формирование радикального плюрализма современности происходило в значительной мере под влиянием процессов *массовой миграции*.

О значении этих процессов красноречиво говорят слова, которые были сказаны известным итальянским философом Умберто Эко еще в 1998 г.: «Сейчас в Европе впервые за 15 веков мы находимся перед новой волной массивной миграции, последняя миграция была миграцией готтов и висиготтов, которая изменила генетический и лингвистический состав этого континента. Сейчас мы стоим перед той же проблемой: с юга идет огромный поток, который ничто не может затормозить... И вполне возможно, что через пятьдесят лет президентом Франции, например, станет араб или китаец, а будущий Папа Римский будет негром». Умберто Эко предостерегает, что «такие перемены не могут происходить мирно. Они вполне могут вызвать кровавый период нетерпимости, и нужно подготовиться его пережить: это может быть проблемой будущего века»². В другой работе У. Эко отмечал: «Феномены, которые Европа все еще пытается воспринимать как иммиграцию, в действительности представляют собой миграцию. Третий мир стучится в двери Европы и входит в них, даже когда Европа не согласна пускать. Проблема состоит не в том, чтобы решать (политики любят делать вид, будто они это решают), можно ли в Париже ходить в школу в парандже, или сколько мечетей надо построить в Риме. Проблема в том, что в следующем тысячелетии Европа превратится в многорасовый, или, если предпочитаете, в многоцветный континент»³.

² Интервью У. Эко корреспонденту «Независимой газеты» // Независимая газета. Ex libris. Книжное обозрение. – 1998. – 28 мая.

³ Эко, У. Пять эссе на темы этики. – СПб., 1998. – С. 79.

Нетрудно видеть, что массовый наплыв мигрантов в Россию имеет ту же природу, что и миграция в Европу, и влечет за собой в общем и целом те же последствия, что наплыв выходцев с юга в Европу.

С точки зрения проблемы коммуникации важным является то, что миграция есть свершившийся факт, а также то, что ее уже невозможно повернуть вспять в полном объеме, поскольку значительное число мигрантов стали неотъемлемой частью новой для них среды, то есть той страны, где они поселились, покинув свою историческую родину. Важным является и то, что, став частью страны пребывания, мигранты не утратили тех качеств, которые связаны с культурой, менталитетом, традициями своей исторической родины. Поэтому их коммуникация с коренным населением не является легким и простым процессом, – впрочем, как и для коренного населения коммуникация с носителями непонятной и далекой от них культуры. Тем не менее они вынуждены жить вместе.

Очевидно, что неуспешность коммуникации между носителями существенно различных культур и ментальности, проживающих в непосредственной близости и контакте, чревата конфликтами и столкновениями.

1. Трактовка коммуникации в философии и в частных теориях коммуникации

Следует отметить, что более или менее пристальное рассмотрение *массовой* коммуникации как особого социального феномена легко обнаруживает то, что данный феномен выражает лишь поверхностную сторону коммуникации и поэтому не может быть отнесен к коммуникации в полном объеме. Коммуникация – явление гораздо более глубокое и сложное, чем то, что имеет место в масс-медиа. На это обращают внимание многие авторы, в том числе те, кто специально занимается исследованиями проблем СМК. Так, Н. А. Мальковская отмечает: «...коммуникация между людьми есть нечто более сущностное, а интерактивные диалоги (широко распространенные в электронных СМИ и Интернете) лишь преддверие истинно коммуникационного процесса»⁴. Поэтому, говоря о разви-

⁴ Мальковская, Н. А. Профиль информационно-коммуникативного общества (Обзор зарубежных теорий) // Социс. – 2007. – № 5. – С. 76.

тии массовой коммуникации как о факторе актуальности проблемы коммуникации, не следует забывать, что сама проблема возникла и сформировалась гораздо раньше. Во многих своих аспектах проблема коммуникации была теоретически осознана задолго до того, как реалии современного общества вынесли ее на поверхность общественной жизни, придали ей особую остроту и злободневность.

Проблема коммуникации была поставлена в трудах Э. Гуссерля, а также таких философов, как Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, К. Ясперс, в работах Х. Ортеги-и-Гассета, в трудах отечественных философов Б. Ф. Поршнева, Ю. К. Плетникова и других. Она была сформулирована в широком философском и социально-философском плане – как «вечная» проблема, то есть как всеобщая проблема человеческого бытия. Коммуникация выступала как взаимодействие личностей, как взаимодействие (по преимуществу вербальное) «Я» и «Другого», которое делает возможным индивидуальное бытие, а также является условием существования социума. Исходя из философского понимания коммуникации как универсальной характеристики бытия индивида и общества, ***взаимодействие (по преимуществу вербальное) «Я» и «Другого» с целью установления взаимопонимания и осуществления совместной деятельности следует назвать коммуникацией в широком смысле.***

Широкая, то есть философская, трактовка понятия коммуникации позволяет переформулировать фундаментальный философский вопрос об условиях и возможности бытия человека и общества в форме вопроса об условиях и возможности коммуникации и консенсуса. В этом случае проблема коммуникации в своей глубинной сути – это проблема взаимопонимания между субъектами: личностями, культурами, социумами, – а следовательно, проблема возможности солидарности, взаимного доверия, без которых невозможна совместная деятельность.

Представляется, что нецелесообразно различать понятия коммуникации и общения. Более рационально считать их синонимами. Вопрос различения или неразличения этих понятий – вопрос конвенционального характера. Поэтому, помня о совете Аристотеля, высказанном им в связи с критикой удвоения мира в теории идей Платона, вслед за Стагиритом не будем «умножать сущности сверх необходимого»⁵.

⁵ Аристотель. Соч.: в 4 т. – М., 1978. – Т. 1. – С. 56.

Трактовка коммуникации как взаимодействия (по преимуществу вербального) «Я» и «Другого» основана на том, что в своих истоках социально-историческая реальность всегда есть взаимодействие людей, каждый из которых наделен специфическими особенностями, своим жизненным миром. Вместе с тем «жизненный мир... – писал известный современный последователь феноменологии А. Шюц, – не является моим частным. К нему принадлежат другие, не только как тела и объекты моего опыта, но как *Alter egos* (*Alter Ego* [лат.] – Другое Я. – В. Ш.), то есть субъективности, наделенные такой же активностью, как и я»⁶. Коммуникация как взаимодействие «Я» и «Другого» есть сложный процесс, предполагающий, с одной стороны, осознание инаковости «Другого», с другой – отыскание (обретение в процессе взаимодействия) общности «Я» и «Другого». Если в процессе коммуникации происходит обретение общности (при понимании инаковости), такую коммуникацию следует считать *успешной* или *полноценной*. Если партнеры по коммуникации остаются чуждыми друг другу, то коммуникация является *неуспешной* или *неполноценной*, поскольку цель коммуникации – установление взаимопонимания – остается недостигнутой.

Х. Ортега-и-Гассет следующим образом разъясняет понятие Другого: «Что мы хотим сказать, когда говорим, что перед нами Другой, то есть другой, такой же, как я, Человек? Ведь это предполагает, что это новое существо – не камень, не растение и даже не животное, – это и есть я, “ego”, но в то же время это – другое, “alter ego”, иными словами – “alter ego”, другое я... Здесь передо мною находится другое существо, которое тоже – я, тоже “ego”... И вот в *моем мире* появляется некое существо, которое, пусть и в форме со-присутствия, тоже заявляет свое право быть “человеческой жизнью”, а следовательно, жизнью уже не моей, а своей и, соответственно, со своим миром, изначально отличающимся от *моего*. Мы сталкиваемся с поистине феноменальным парадоксом: на горизонте моей жизни, вся суть которой сводилась исключительно к тому, что она моя, и поэтому представляла из себя изначально одиночество, появляется другое одиночество, другая жизнь, строго говоря,

⁶ Schütz, A. *Phenomenology and the Social Sciences* / Th. Luckman // *Phenomenology and Sociology*. – Harmondsworth: Penguin, 1978. – P. 125.

не имеющая ничего общего с моей, но имеющая свой мир, мне чуждый, – *другой мир*⁷.

Таким образом, Другой – это тот, кто наделен своим собственным душевно-духовным миром, своим собственным потоком сознания. Кроме того, Другой дан мне «в модусе там», в то время как мое собственное существование – «в модусе здесь»: я могу изменить место моего нахождения, но где бы оно ни находилось, это будет мое «здесь». Существование же Другого навсегда останется для меня в рамках модуса «там». Следовательно, ни при каких условиях я не могу пережить в сознании богатство личности Другого. Другой не может быть полностью открыт мне даже в самых интимных отношениях.

Отчетливо переживается инаковость Другого в непосредственных контактах, контактах «лицом к лицу». Особую роль здесь играет взгляд. *«Глаза, – по словам Х. Ортеги-и-Гассета, – “окна души” – могут сказать нам больше, чем что-либо иное, поскольку взгляд, как ничто другое, исходит изнутри. Мы видим, на что он обращен и каков он. Он не только обращен на нас изнутри, но дает почувствовать, какая за ним скрыта глубина»*⁸.

В процессе жизни тот, кто поначалу был Другим, может превратиться для меня в Ты. Превращение Другого в Ты означает, что он стал для меня привычным, повседневным, – будь то родственник, приятель или сослуживец. Я присутствую при его жизни, она приоткрывается мне. Вместе с тем в общении с Ты я все более убеждаюсь, насколько мне не по силам во всем объеме проникнуть во внутренний мир другого, ощущаю и понимаю невозможность отождествить себя с ним, поскольку он живет по-своему, своей жизнью, отличной от моей.

Следует подчеркнуть, что коммуникация принципиально *проблематична*. Как видно из приведенных выше характеристик взаимодействия «Я» и «Другого», в ней принципиально невозможно установление тождества «Я» и «Другого». Поэтому взаимопонимание, о котором может идти речь в рамках рассматриваемой нами трактовки коммуникации, не предполагает достижения взаимного

⁷ Ортега-и-Гассет, Х. Человек и люди / Х. Ортега-и-Гассет // Дегуманизация искусства и другие работы. – М., 1991. – С. 330–331.

⁸ Там же. – С. 306–307.

понимания участников коммуникации до такой степени полноты, когда инаковость Другого полностью утрачивает значение. Взаимопонимание – это обретение общности *при сохранении различий*. Следовательно, речь идет о той степени общности, которая достаточна для согласования интересов, для организации совместной деятельности. Полноценная коммуникация предполагает достижение именно такой степени (уровня) общности.

Данное выше определение коммуникации как взаимодействия «Я» и «Другого» следует считать весьма общим и поэтому абстрактным. Надо иметь в виду, что в реальности мы имеем дело с взаимодействием людей, которое социально и культурно обусловлено. Более того, отдельные индивиды – участники коммуникации – выступают в реальности чаще всего в качестве представителей той или иной социальной общности, носителями той или иной культуры. Поэтому следует говорить о *социально-культурной коммуникации*. Именно социально-культурная коммуникация занимает наибольшее место в общем объеме коммуникативных процессов, и именно ей принадлежит ведущее место в решении огромного множества общественных проблем: социальных, политических, экономических и других – как на уровне отдельных стран, так и в международном масштабе.

Разумеется, на понятие социально-культурной коммуникации распространяются все положения, которыми выше была охарактеризована коммуникация вообще: она может быть полноценной (успешной) или же неполноценной (неуспешной), она может также оказаться псевдокоммуникацией, то есть кажимостью коммуникации. Вместе с тем для социально-культурной коммуникации особое значение имеет наличие *пространства коммуникации*. Под *пространством коммуникации* будем понимать ту часть социально-культурного пространства, в котором реально наличествуют коммуникативные связи. Так, на протяжении длительного периода истории человечества пространство коммуникации могло ограничиваться рамками отдельных небольших населенных пунктов, например рамками одной деревни. Изобретение книгопечатания существенно расширило пространство коммуникации, возникла, по словам М. Маклюэна, «галактика Гутенберга». Современные электронные СМК сделали пространство коммуникации глобальным. Локальные

пространства коммуникации теперь не могут в большинстве случаев оставаться полностью изолированными, закрытыми: они стали про- ницаемы для мировых систем коммуникации.

Одной из частных теорий социально-культурной коммуникации является получившая широкое развитие в последние десятилетия теория межкультурной коммуникации. Межкультурная коммуникация – «это общение людей, представляющих разные культуры»⁹. В теории межкультурной коммуникации культура понимается как обычаи, традиции, верования, образ жизни определенной общности людей. Различия культур определяются тем, что они основаны на разных национальных языках.

Теория межкультурной коммуникации является прежде всего теоретической основой переводческой деятельности – деятельности по переводу информации с одного национального языка на другой. Она акцентирует тот факт, что для адекватного перевода владение иностранным языком не является достаточным: необходимо отчетливо представлять особенности другой культуры в сопоставлении с особенностями своей культуры. Тем не менее значение положений и выводов теории межкультурной коммуникации выходит далеко за пределы деятельности по переводу: они, несомненно, имеют общекультурный и мировоззренческий аспект.

С точки зрения рассматриваемой нами проблемы коммуникации установление взаимопонимания в том смысле, в каком оно понимается в теории межкультурной коммуникации, является важным условием взаимопонимания в широком смысле – готовности к совместной деятельности, согласованию интересов, сотрудничеству. Чтобы такая готовность сформировалась, необходимо для начала адекватно понять информацию, передаваемую партнером по коммуникации, а также суметь передать ему свою так, чтобы она была сформулирована в понятной для партнера форме. Для этого следует преодолеть трудности межкультурной коммуникации.

С. Г. Тер-Минасова выделяет несколько типов трудностей. Первый тип вытекает из лексико-фразеологических ограничений, присущих тому или иному национальному языку. Каждый язык допускает только определенные сочетания слов. В другом языке эти слова оказываются несочетаемыми. Так, русским словосочета-

⁹ Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2004. – С. 17.

ниям «высокая трава», «крепкий чай», «сильный дождь» в английском языке будут соответствовать «длинная трава» (long grass), «сильный чай» (strong tea), «тяжелый дождь» (heavy rain). Еще одним типом трудностей является «конфликт между культурными представлениями разных народов о тех предметах и явлениях реальности, которые обозначены “эквивалентными” словами этих языков». Трудности этого типа более скрыты, чем трудности первого типа. Простым примером является следующий: «Русское словосочетание *черная кошка* обозначает, как и английское *black cat*, одно и то же домашнее животное – кошку одного и того же цвета – черного. Однако в русской культуре, согласно традиции, примете, поверью, черная кошка приносит несчастье, неудачу, а поэтому словосочетание имеет отрицательные коннотации... В английской же культуре черные кошки – признак удачи, неожиданного счастья, и на открытках с надписью “Good Luck” сидят, к удивлению русских, именно черные кошки»¹⁰.

Семантика одной культуры часто не совпадает с семантикой другой, что также может стать причиной коммуникативной неудачи. Так, у европейцев при разговоре принято смотреть в глаза собеседнику. Если человек отводит глаза, он ведет себя неискренне. У японцев, если младший смотрит в глаза старшему, он демонстрирует дерзость, вызов. Характерен в этой связи случай с немецким бизнесменом, открывшим в Японии фирму, большинство служащих которой были уроженцами данной страны. Через некоторое время он обвинил своих сотрудников в неискренности, в том, что они постоянно пытаются его обмануть. Из его объяснений удалось установить, что главное раздражение вызвала у него манера японцев избегать смотреть ему в глаза. Это явилось причиной формирования определенного стереотипа в отношении к японцам и привело к регулярным коммуникативным неудачам¹¹.

Последний пример ярко свидетельствует о том, что неудачи в межкультурной коммуникации отнюдь не курьезы, не безобидные казусы. Они могут повлечь за собой социальные последствия, в том числе весьма серьезные. Это станет еще более очевидным, если учесть, что в современных процессах социально-культурной ком-

¹⁰ Тер-Минасова, С. Г. Указ. соч. – С. 62–63.

¹¹ Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М., 2003. – С. 63.

муникации важную роль играют всевозможные устойчивые стереотипы восприятия той или иной социально-культурной общностью самой себя и других.

2. Коммуникация в плену у мифологии

Нами уже было отмечено, что как коммуникация в широком смысле, так и социально-культурная коммуникация проблематичны по своей сути. Однако для социально-культурной коммуникации характерны также свои специфические трудности. Одна из них связана, в частности, с мифологичностью человеческого сознания: взаимопонимание не устанавливается в силу наличия у партнеров мифологических представлений о самом себе и о другом.

XX век обнаружил, что миф не остался в далекой древности, как можно было предполагать. Сознание современного человека порой не менее мифологично, чем сознание древнего. Э. Кассирер отмечал: «...один из величайших парадоксов XX в. состоит в том, что миф, иррациональный по своей сути, рационализировался»¹². Рациональность современного мифа в том, что он воспринимается как нечто рациональное, как нечто научно обоснованное. Она также в том, что в отличие от древнего современный миф может быть первоначально сознательно сконструирован, а лишь затем он превращается в совокупность бессознательных представлений, носителями которых становятся большие массы людей. Поэтому современный миф – это по преимуществу коллективный и социально-культурный миф.

Так, можно с достаточным основанием полагать, что в период холодной войны между США и СССР обе стороны мифологизировали образ противника, демонизировали его. Демонизация как раз и есть один из признаков мифологичности сознания. В Советском Союзе длительное время существовал миф о Западе как обществе, в котором безраздельно господствуют зло, несправедливость, эксплуатация, где «человек человеку волк». Эпитет М. Горького, характеризующий центр этого дьявольского мира Нью-Йорк как «город желтого дьявола», красноречиво говорит о мифологичности восприятия Запада, восприятия, ставшего естественным для боль-

¹² Cassirer, E. *Symbol, myth and culture*. – New Haven. – London, 1979. – P. 236.

шой массы советских людей. Не менее красноречиво характеризуют западное восприятие советской действительности известные слова президента Рейгана о Советском Союзе как «империи зла». Оно столь же мифологично, как и советское восприятие Запада.

Нетрудно заметить, что современный миф есть предельное упрощение реальности, он сводится к одной или нескольким мифологемам, которые выражаются не понятиями, а образами. Наличие мифов оказывает значительное влияние на характер международных отношений.

Современная международная политика США основана на мифе о том, что Америке предназначена особая, чрезвычайно важная, по сути, мессианская роль в мире – «осуществление в мире революции свободы». Слова, взятые в кавычки, принадлежат государственному секретарю США 70-х гг. XX столетия Сайрусу Вэнсу¹³. В них международная роль США сформулирована предельно ясно. Это роль мессии, то есть «посланника Бога на земле и спасителя человечества» – спасителя от тоталитаризма, тирании, антидемократических режимов и т. д. В конечном итоге такая роль предполагает установление во всем мире демократии западного образца как единственно возможной формы демократии. Сегодня становится все более очевидным, что борьба за демократию не более чем фиговый листок, лишь прикрывающий стремление к удовлетворению эгоистических интересов. Тем не менее нельзя исключить и того, что как сами проводники американской политики, так и немалая часть американских избирателей свято верят в избранничество Америки, в то, что ей дарована судьбой или Богом некая исключительная роль всемирно-исторического значения.

Не требуется специально доказывать, что при таком представлении о собственной роли в мире все другие страны, за исключением западных союзников США, не могут рассматриваться иначе, как в качестве недоразвитых и неполноценных. Никакая коммуникация с целью понять и учесть интересы других стран не только не возможна, но и не нужна. В глобальном масштабе это означает, что происходит разрушение международного коммуникативного про-

¹³ Цит. по: Олбрайт, М. Задача США – управлять последствиями распада советской империи // Независимая газета. – 1998. – № 193 (16 октября).

странства, чреватое опасной дезинтеграцией и распадом мирового сообщества.

Миф об исключительности Америки основан на представлении, характерном для Запада в целом. Это представление сформировалось еще в XIX в. Начиная с первой трети XIX в. «различия между Россией и Западом чаще всего обобщенно определялись по Гегелю и Ранке, заявивших, что “история романо-германской Европы была историей свободы”. Такая точка зрения оставляла на долю России прозябание в ее азиатских степях», – отмечает американский исследователь М. Малиа¹⁴. Если уж России отводилось не более чем «прозябание в азиатских степях», то что говорить об остальных странах незападного мира? Запад и только он – единственный бастион свободы, остальные же народы не только несвободны, но и лишены всякого стремления к свободе, всякой способности к свободе. Отсюда собственная миссия видится человеком Запада как благородная миссия служения свободе, распространению свободы в мире. Со стороны Запада нет и не может быть никакой агрессии, – есть только благородное желание помочь другим странам в том, чтобы они пришли к свободе. Такова «точка зрения» Запада, приобретающая силу устойчивого мифологического стереотипа.

В западной литературе признания, подобные приведенному выше признанию М. Малиа, крайне редки. К числу немногих авторов, не ограничивающихся западным взглядом на мир, а стремящихся понять точку зрения других стран и народов, принадлежит А. Тойнби. Поэтому позволим себе привести достаточно пространную цитату из его произведения, являющуюся в западной литературе едва ли не уникальной попыткой взглянуть на мир глазами незападного человечества. Тойнби писал, что если западный человек сумеет «хотя бы на несколько минут покинуть “свою кочку” и посмотреть на столкновение между Западом и остальным миром глазами огромного незападного большинства человечества», то он обнаружит непривычную для него картину: «Как бы ни различались между собой народы мира по цвету кожи, языку, религии и степени цивилизованности, на вопрос западного исследователя об их отношении к Западу все – русские и мусульмане, индусы и китайцы, японцы и все остальные – ответят одинаково. Запад, скажут

¹⁴ Малиа, М. Россия и Запад: прошлое и настоящее. В раздумьях о России. XIX век. – М., 1996. – С. 421.

они, – это архиагрессор современной эпохи, и у каждого найдется свой пример западной агрессии. Русские напомним, как их земли были оккупированы западными армиями в 1941, 1915, 1812, 1709 и 1610 гг.; народы Африки и Азии вспомнят о том, как начиная с XV в. западные миссионеры, торговцы и солдаты осаждали их земли с моря. Азиаты могут еще напомнить, что в тот же период Запад захватил львиную долю свободных территорий в Азии, обеих Америках, Австралии, Африке. А африканцы – о том, как их обращали в рабство и перевозили через Атлантику... Потомки коренного населения Северной Америки скажут, как их предки были сметены со своих мест...». Особо примечательно в свете нашей темы, однако, то, что «у большинства западных людей эти обвинения вызовут удивление, и даже, вероятно, возмущение. Голландцы скажут, что они же ушли из Индонезии, а британцы – что они оставили Индию, Пакистан, Бирму и Цейлон... У британцев на совести не лежит никакой новой агрессии со времен войны в Южной Африке, а у американцев – с испанско-американской войны 1898 года»¹⁵.

Слова Тойнби, несомненно, ярко свидетельствуют о значительном различии в восприятии событий мировой истории Западом и остальным миром.

Западная точка зрения не есть свидетельство якобы непременно присущих западным странам коварных замыслов. Хотя последнее полностью и не исключается, но главное состоит в том, что западный взгляд воспринимается его представителями в качестве естественного и – более того – оправданного благородными побуждениями. Проблема в том, что массовое сознание Запада и большинство политиков не стремятся к пониманию иных точек зрения. Поэтому со времен Тойнби (приведенные выше слова написаны в начале 50-х гг.), к сожалению, мало что изменилось: западное и незападное видения мира по-прежнему радикально различны. Это тем более тревожно, что сами мировые реалии претерпели серьезные изменения.

3. Глобальность проблемы коммуникации

Неизмеримо возросла техническая мощь, неуклонно расширяются контакты между представителями различных народов, плю-

¹⁵ Тойнби, А. Цивилизация перед судом истории. – М., 1995. – С. 156–157.

рализм стал характерной приметой времени, электронные средства массовой коммуникации являются сегодня неотъемлемой частью жизни современного человека, развивается международный туризм – эти, как и множество других факторов, выдвигают в качестве *важнейшего морального императива* современности установление полноценной коммуникации в глобальном масштабе, – такой коммуникации, которая основывалась бы на уважении иной точки зрения, на признании ее права на существование и выражение. Все более актуальной является задача установления взаимопонимания между представителями различных культур и социумов, то есть задача успешной социально-культурной коммуникации. Однако моральная императивность задачи взаимопонимания трагически сталкивается с фактом едва ли не всеобщего непонимания значения коммуникации для самого существования человека и человечества.

Непонимание значения полноценной коммуникации обнаруживается на всех уровнях – от уровня межличностных и социальных отношений внутри отдельных стран до уровня межгосударственных отношений и отношений между различными цивилизациями современного мира. Не будет преувеличением утверждать, что после распада СССР в мире воцарился хаос как в отношениях между людьми, так и в отношениях между государствами. Современное человечество все более уподобляется множеству словно сорвавшихся с цепи враждебных единиц, ведущих ожесточенную борьбу за эгоистические интересы.

Установившаяся после Второй мировой войны система международного права практически разрушена. Стремление Запада, не сдерживаемое противовесом, какой имелся прежде в лице Советского Союза, провоцирует ответную реакцию во многих странах мира. В результате каждая страна выстраивает отношения с другими исключительно по своим законам, преследует свои интересы, не считаясь с интересами других. Глобальное пространство коммуникации все более и более заполняется псевдокоммуникацией, все более и более широко используется для ведения информационных войн. Целый ряд информационных сообщений, располагаемых в Интернете, а также текстов телевидения и радио не может быть квалифицирован иначе как прямая вербальная агрессия. Данная ситуация свидетельствует о том, что проблема коммуникации

выросла в проблему глобального масштаба, стала одной из глобальных проблем современного мира.

Под глобальными проблемами в социальной философии 60–80-х гг. XX в. (на формулировку которых оказали особое влияние исследования Римского клуба) было принято понимать проблемы, имеющие следующие основные характеристики. Во-первых, это проблемы колоссальной важности, имеющие значение не только для отдельных людей, не только для отдельных социально-культурных сообществ, но представляющие чрезвычайную важность для всего человечества. Во-вторых, глобальные проблемы не решаются усилиями отдельных стран. Они требуют целенаправленных усилий всего мирового сообщества. Нерешенность глобальных проблем может привести к серьезным отрицательным, возможно, необратимым последствиям для человечества и среды его обитания. К числу «классических» глобальных проблем относятся: проблема исчерпаемости природных ресурсов, экологическая, оружия массового уничтожения, образования, бедности.

Глобальность проблемы коммуникации означает, что она стала вопросом существования всего человечества. Тенденции мирового общественного развития двух последних десятилетий направлены к разрушению социально-культурной коммуникации в глобальном масштабе. Взаимопонимание между представителями различных социумов и носителями различных культур все более затрудняется и грозит подойти к той опасной черте, за которой неминуемо произойдут дезинтеграция и распад общества во всемирном масштабе.

В свете тенденции к разрушению полноценной социально-культурной коммуникации характерным является факт, что выше-названные «классические» глобальные проблемы, которые были в центре внимания общественности в 60–80-е гг., в последние десятилетия словно перестали существовать: они полностью выпали из поля зрения. Сегодня о них не услышишь не только из уст политиков, – они вообще отсутствуют в мировом пространстве коммуникации. Это пространство сегодня в немалой степени заполнено информационными войнами, различными формами вербальной агрессии, подчас просто информационными шумами.

Конечно, немалую часть ответственности за создавшееся положение несут работники средств массовой коммуникации. Однако

они являются только одним из звеньев в длинной цепочке общественных взаимосвязей, определяющих содержание современной коммуникации. Поэтому более важным является общий характер духовной атмосферы общества, духовный климат мировых отношений. Мировая духовная атмосфера последних десятилетий характеризуется непониманием важности полноценной коммуникации для существования человечества. Такое непонимание основано на тезисе о фатальной неизбежности конфронтации в глобальном масштабе. Неизбежность конфронтации связывается с различием и противоречиями *интересов* различных социумов. Следовательно, реальная возможность полноценной социально-культурной коммуникации относится в отдаленную перспективу, когда якобы сотрутся различия интересов и мир превратится в некое целое, в единый монолит, недифференцированный внутри себя. Последнюю посылку следует считать ошибочной: мир развивается не в сторону уменьшения разнообразия, не по направлению к единому монолиту.

Перспективы мирового развития следует связывать с *ростом многообразия*. Поэтому очевидно, что мир немислим без различия интересов – индивидов, отдельных социальных групп, государств и т. д. Различие интересов вряд ли когда-нибудь исчезнет. Да, собственно, и нет никаких оснований стремиться к уничтожению различия интересов. Реальное разрешение вопроса о возможности полноценной коммуникации и, следовательно, вопроса о предотвращении дезинтеграции и распада в глобальном масштабе лежит не на пути устранения различий, а на пути обретения общности *при сохранении различий*: «не только не важно, но и не нужно, чтобы отдельные части социального целого совпадали в своих стремлениях и идеях. Важно и нужно, чтобы каждая группа не забывала об остальных и в определенной мере разделяла их жизнь»¹⁶.

¹⁶ Ортега-и-Гассет, Х. Этюды об Испании. – Киев, 1994. – С. 49.